

УДК/UDC 321.7

Архетипы корпоративности, иерархии и Самости в демократических процессах

Львов Денис Владимирович

кандидат философских наук, доцент кафедры социологии

Сибирский федеральный университет

г. Красноярск, Россия

e-mail: devlal86@gmail.com

SPIN-код: 9049-7480

ORCID: 0000-0001-9165-0428

Аннотация

В статье рассматривается влияние тенденций, вызываемых архетипами корпоративности, иерархии и Самости, на процессы становления демократического социального порядка. Показаны диалектические противоречия, порождаемые указанными архетипами в социально-политической деятельности. Отмечены особенности манифестации каждого из данных архетипов в социокультурной и политической практике, приведены диагностируемые исследователями признаки усиления архетипа Самости, стимулирующие индивидуализм. Предложена краткая схема исторического развития взаимодействия коллективистских архетипов корпоративности и иерархии между собой. Сформулировано предположение о влиянии противоречий, порождаемых этими двумя архетипами, на стимулирование архетипа Самости. Указана необходимость учета влияний каждого из обсуждаемых архетипов коллективно-бессознательного в политической жизни общества. Предложен взгляд на демократическую модель как на способ гармонизации архетипов корпоративности, иерархии и Самости.

Ключевые слова: демократия, архетип корпоративности, архетип иерархии, Самость.

Archetypes of Corporativity, Hierarchy, and Self in Democratic Processes

Lvov Denis Vladimirovich

Candidate of Philosophy, assistant professor of the Department of Sociology

Siberian Federal University

Krasnoyarsk, Russia

e-mail: devlal86@gmail.com

SPIN Code: 9049-7480

ORCID: 0000-0001-9165-0428

Abstract

The article examines the influence of trends caused by the archetypes of corporativity, hierarchy, and Self on the processes of formation of a democratic social order. The article shows the dialectical contradictions generated by these archetypes in sociopolitical activity; the peculiarities of manifestation of each of these archetypes in sociocultural and political practice; and the signs of strengthening of the Self archetype that stimulate individualism which were diagnosed by other researchers. A brief scheme of historical development of interaction between the collectivist archetypes of corporativity and hierarchy is proposed. The author considers the influence of the contradictions generated by these two archetypes on the stimulation of the archetype of the Self. It is necessary to take into account the influence of each of the discussed archetypes of the collective unconscious on the political life of society. Finally, the author proposes a view of the democratic model as a way to harmonize the archetypes of corporatism, hierarchy, and Self.

Key words: democracy, archetype of corporativity, archetype of hierarchy, Self.

Само слово «демократия» имеет древнегреческое происхождение и за длительное время своего существования обросло невероятным множеством коннотаций, ассоциаций и понятийных наполнений. В политологии выделяют несколько разновидностей демократий и часто говорят не о демократии вообще, а, например, о либеральной, партиципативной, плебисцитарной, представительной и пр. демократии. Тем не менее в каждом случае имеется ввиду модель политической организации той или иной

социокультурной общности. В этом смысле демократия является одним из модусов социального порядка.

При этом в основании всякого социального порядка лежит массовое сознание, подкрепленное, по мысли К. Г. Юнга, архетипами коллективного бессознательного [1]. Ранее нами в других научных исследованиях уже были рассмотрены архетипы корпоративности и иерархии [2]. Теперь предлагается обсудить, какую роль данные архетипы играют в формировании демократических институтов.

Архетип корпоративности проявляется в первую очередь в идее равенства членов демократического сообщества. При этом, как известно из истории, это вовсе не отменяет возможности дискриминации по тому или иному признаку - полу, расе, имущественному цензу и т. д. Тем не менее подразумевается, что так или иначе получившие статус полноправного члена круга «своих» (обычно в контексте разговора о демократии используется термин «гражданин») имеют одинаковые права и обязанности как по отношению друг к другу, так и в отношении общности в целом.

В то же время для принятия управленческих решений и осуществления коллективных действий требуется функциональная и статусная дифференциация. Соответственно, возникает влияние архетипа иерархии. Диалектика противоречивого по своей природе взаимодействия этих двух архетипов определяет неизбежность всех тех проблем, с которыми на самом фундаментальном уровне сталкивается демократическая общность.

Так, Ю. Эвола, противопоставлявший либерализму и демократии принцип иерархии, доходит в своих рассуждениях до характеристики самой идеи равенства личностей в обществе как логической нелепицы: «Прежде всего, понятие “многих” - многообразия особей - логически противоречит понятию “многих равных существ”. Это онтологически вытекает прежде всего из “принципа неразличимых”, согласно которому “одно существо, абсолютно во всем тождественное другому, является тем же самым существом”. Таким образом, в идее “многих” заложена идея ос-

новополагающего различия: если “многие” равны, равны во всем, то они не могут быть “многими”, но лишь одним. Стремление к равенству “многих” несет в себе противоречие в понятиях, если только это не относится к множеству неодушевленных предметов серийного производства» [3, с. 35].

Все концепции демократии пытаются разрешить это базовое противоречие, что неизбежно приводит к некоторой редукции личности до какого-либо строго ограниченного набора признаков, а в пределе - и во все единственного качества. И в этой критике тенденции к упрощению, присущей современной западной цивилизации, Ю. Эвола совпадает с противоположным ему во всем остальном Г. Маркузе, известного своей концепцией «одномерного человека» [4].

Принцип равенства, поддерживаемый архетипом корпоративности, и принцип субординации, навязываемый архетипом иерархии, согласуются только путем отказа от абсолютизации. В социальных отношениях всегда возможно говорить лишь об относительной реализации того или иного. Ни архетип корпоративности, ни архетип иерархии не могут полностью вытеснить влияние не только друг друга, но и прочих структур коллективного бессознательного.

Даже абсолютный тиран ограничен степенью готовности подчиненных выполнять его распоряжения. Даже при утопическом совпадении смысло-ценностного ядра мы-самости с индивидуальными самостями остается необходимость функциональной дифференциации, в т. ч. по вертикали управление-подчинение.

Кроме того, в дискурсе о демократии часто возникают концепты прав и свобод личности. А здесь в полной мере проявляется архетип Самости. В связи с этим интересны рассуждения Ю. Хабермаса, который выделил две модели демократии - либеральную и республиканскую, а также развил концепцию делиберативной политики. Либеральная модель, по мысли Ю. Хабермаса, основывается на противопоставлении гражданского общества как независимо преследующих частные интересы индивидов и государства, выступающего гарантом «правил иг-

ры», конвенционально принятых индивидами. Республиканизм отсылает к идее политической общности, имеющей определенную самостоятельность и этическую наполненность, основные принципы которой имеют примат в отношении личности. Государство здесь является центром коллективной воли граждан, которая посредством их конкретных действий влияет на самое себя.

В рамках предлагаемого здесь архетипического подхода государство по республиканизму становится носителем мы-самости, формируемой архетипом корпоративности. Тогда как либеральная модель делает акцент на архетипе Самости, который направлен как раз на эмансипацию индивидуальной личности от социокультурной общности.

Согласно Ю. Хабермасу, либеральная модель демократии концентрируется вокруг негативного понимания прав и свобод, т. е. права являются средством от принуждения со стороны общности и государства, чья роль должна быть максимально нивелирована. Республиканское понимание прав имеет позитивную природу. Права в ней - это прежде всего возможность активного участия граждан в выработке общих целей и этических принципов, т. е. смысло-ценностного ядра политической общности. Либеральная модель важнейшей общественной силой постулирует анонимные законы рынка, республиканская - самоорганизующуюся коллективную волю.

Предлагаемая философом делиберативная политика основана на процедурах организации коммуникативного взаимодействия граждан и их ассоциаций для процессов договаривания и рационализации. Она заимствует у республиканской модели признание самостоятельной сущности коллективной воли, но освобождается от этического идеализма, приписывающего индивидам целый набор позитивно оцениваемых качеств вовлеченности в общественно-политические процессы, необходимых для активного формирования этой воли. Таким образом, делиберативная политика, основанная на коммуникации и интерсубъективизме, децентрализует понятие народного суверенитета.

«Дискурсивному понятию демократии, напротив, соответствует картина децентрированного общества, которое, однако, разделяет с политической общественностью арену восприятия, идентификации и разработки касающихся всего общества проблем. Если отказаться от формирования понятий с точки зрения философии субъекта, то суверенитету не потребуется ни конкретистского концентрирования в нации, ни изгнания в анонимность конституционно-правовых полномочий. “Самость” организующей самое себя правовой общности исчезает в бессубъектных формах коммуникации, которые так регулируют ход дискурсивного формирования общественного мнения и политической воли, чтобы их погрешимые результаты предполагали для себя разумность. Тем самым интуиция, связанная с идеей народного суверенитета, не опровергается, но истолковывается интерсубъективистски. Народный суверенитет, пусть даже и сделавшийся анонимным, обособляется в демократических процедурах и в правовом выполнении их прихотливых условий коммуникации лишь для того, чтобы продемонстрировать себя в качестве коммуникативно производимой власти. Строго говоря, он возникает из интеракций между институционализированным в рамках правового государства формированием воли и культурно мобилизуемой общественностью, которая, со своей стороны, находит некий базис в ассоциациях гражданского общества, равно удаленных от государства и от экономики» [5, с. 399–400].

Таким образом, коллективная самость организуется из интеракций индивидуальных самостей. При этом характерное для либерализма противопоставление государству, в чем автономном бюрократическом аппарате возникает независимая от индивидов власть, заменяется пониманием солидарности интерсубъективной власти взаимосвязанных «таких-же-как-я-самостей», договаривающихся друг с другом в непрерывном процессе коммуникации.

В этом смысле демократия может быть интерпретирована как такая организация политической общности, которая эмансипирует личность от коллективной самости посредством рационализированных ком-

муникативных процедур. При этом достигается это через установление коллективной власти посредством государства, но не столько в форме отчужденного от индивидов анонимной бюрократии, сколько в форме живых и постоянных интеракций ассоциаций граждан. Важнейшим элементом для делиберативной модели является установление соответствующих коммуникативных процедур.

В этом смысле эволюцию типов политической самоорганизации социокультурных общностей можно представить следующим образом. Многие социологи и социальные философы постулируют, что первые общности людей отличались крайним коллективизмом при почти невыраженном индивидуальном самосознании отдельных личностей. Ярчайшей концептуализацией этой модели являются идеи Э. Дюркгейма о механической солидарности. Здесь наиболее влиятельным был архетип корпоративности, а коллективная самость социокультурной общности почти полностью заполняла пространство в индивидуальных личностях. Индивидуация, запущенная архетипом Самости, приводила к максимальному слиянию личности с «мы» коллективной целостности.

Постепенно все большее влияние на процессы социокультурной самоорганизации начинает оказывать архетип иерархии. Здесь вспоминается модель социального развития Г. Спенсера, который считал, что рост общественной массы за счет размножения людей привел к функциональной дифференциации, усложнению социальной структуры и выделению отдельных социальных институтов - этаких органов социального организма. Возникают государство и его бюрократический аппарат, в которых предельно реализует свои тенденции архетип иерархии.

Диалектически противонаправленные тенденции архетипов корпоративности и иерархии подталкивают эмансипацию индивидуальной личности от коллективных сущностей, порожденных самими этими архетипами. Этот процесс падает на благодатную почву индивидуации, подготовленную архетипом Самости. Постепенно роль архетипа Самости в индивидуальных личностях, как следствие, в коллективном бессознательном становится все значительнее. На поверхности социальных

практик это проявляется в росте индивидуализма в противовес коллективности. Возникает либерализм и его модели демократии. В экономическом плане устанавливается капиталистический уклад хозяйствования, с его растущими конкуренцией, соревновательностью и рационализацией, которая была провозглашена М. Вебером как основной вектор социального развития. В конце XX в. квинтэссенцией либерального дискурса оказалось провозглашение Ф. Фукуямы конца истории, ознаменованного победой капитализма и либеральной демократии.

Таким образом, рост индивидуализма является отражением повышения роли архетипа Самости, который стремится к эмансипации личности из коллективного «мы», играя на диалектических противоречиях между архетипами корпоративности и иерархии. Образно можно сказать, что Самость высвобождается из корпоративности посредством иерархии.

Об общемировом росте индивидуалистских ценностей свидетельствуют исследования команды Р. Инглхарта. Эта же группа ученых связывает этот тренд с демократизацией: «Именно от степени приоритетности ценностей самовыражения в конкретных странах к тому моменту, когда в 1988 г. открылось окно возможностей (когда Горбачев объявил, что Советская армия больше не будет поддерживать коммунистические режимы в Центральной и Восточной Европе), решающим образом зависит то, как далеко они после этого продвинулись по пути к демократии - и насколько устойчивы созданные в результате демократические институты» [6, с. 72]. Сдвиг от ценностей выживания к ценностям самовыражения связывается с повышением противоэлитной активности. Это также можно интерпретировать как знак понижения значимости архетипа иерархии, способствующего уважению к вышестоящим.

В то же время тезис об окончательном и бесповоротном триумфе демократии является весьма спорным. «Despite optimism regarding the demise of autocracy as a form of government after the Cold War, about one-third of the world's countries and many of its people are still ruled by autocratic governments» [7, p. 328]. Рассматривая потенциал разворота

от демократии к авторитаризму, С. Хантингтон заметил: «Систематическая неспособность демократических режимов действовать эффективно может повредить их легитимности» [8, с. 312].

В качестве возможного решения такого рода проблем еще Й. А. Шумпетер в качестве одного из условий устойчивости демократии обозначил то, «что демократическое правительство в современном индустриальном обществе должно иметь возможность контролировать во всех сферах государственной деятельности - независимо от того, насколько они многочисленны, - хорошо подготовленную бюрократию, имеющую высокий статус и исторические традиции, обладающую сильно развитым чувством долга и чувством чести мундира. Существование такой бюрократии - главный ответ на возражения против правительства дилетантов. Это единственный ответ на вопрос, который так часто задают в этой стране: демократия оказалась неспособной создать приличное городское правительство; как мы можем ожидать, что народ будет процветать, если все, включая в конечном счете и весь производственный процесс, будет отдано на откуп демократическому принципу?» [9, с. 693].

Но бюрократия основывается прежде всего на архетипе иерархии. И неизбежное для хотя бы более-менее эффективного управления всякой крупной общностью людей выделение специализированной профессионально группы, которая наделяется властью по принятию и воплощению в жизнь конкретных решений, работает на усиление архетипа иерархии. Особенно явно это касается индуцируемой им тенденции к фракционной дифференциации и, как следствие, конкуренции за более высокие иерархические позиции.

Бюрократизация государственного управления приводит к образованию феномена, обозначенного современными мыслителями лейблом «глубинного государства», под которым имеется в виду, что действительно имеющие влияние на жизнь простых людей решения и действия принимаются не на видной обществу поверхности, а в недрах чиновничьей машины ее функционерами, которые к тому же входят в конкурирующие друг с другом кланы. И здесь уже влияние формируемой архетипом

корпоративности коллективной самости политической общности практически нивелируется. Остается только требуемое архетипом иерархии подчинение аппарату власти.

Но влияние архетипа иерархии манифестируется и в намного более явном виде, а именно в партийной организации современной демократии. При этом партии борются между собой именно за власть и более высокое место на «политическом Олимпе». Получающееся в результате положение ярко описал К. Шмитт: «Одним словом, данное парламентско-демократическое партийное государство есть лабильное партийно-коалиционное государство. Изъяны и недостатки подобного положения изображались и критиковались довольно часто: непредсказуемое большинство; неспособные к правлению и вследствие своих компромиссных ограничений безответственные правительства; непрерывные партийные и фракционные компромиссы, заключаемые за счет третьих лиц или государственного целого, при которых каждая участвующая партия требует платы за свое содействие; распределение государственных, коммунальных и иных публичных должностей и доходных мест между сторонниками по какому-нибудь принципу в зависимости от размера фракции или тактической ситуации» [10, с. 134].

Кроме того, архетип иерархии сказывается и внутри партий. Известный феномен «партийной дисциплины» часто позволяет немногим ключевым партийным боссам продавливать определенные решения вне зависимости от чаяний избирателей, чьи интересы, по идее и в соответствии с корпоративным духом, вроде бы защищают конкретные депутаты. На этот отрыв партийных членов от простого народа указал еще на рубеже XIX–XX вв. М. Я. Острогорский: «Хотя члены палаты и избраны народом, но, будучи изуродованы столькими подавляющими влияниями, они не представляют общественного мнения в большей степени, чем сенат, и, насколько возможно, проявляют те же реакционные тенденции “не двигаться” (*stand pat*). Нужно, чтобы общественное мнение заставило услышать свой властный или иногда даже гневный голос, чтобы вырвать у них мероприятия, направленные к общественному благополу-

чию, которые могли бы взволновать стоячие воды политической жизни» [11, с. 511].

Таким образом, несмотря на усиление архетипа Самости, проявляющееся в диагностированном Р. Инглхартом сдвиге в сторону ценностей самовыражения, а также кажущемся основании самой идеи демократии на принципе равенства «таких-же-как-я-самостей», требуемом архетипом корпоративности, влияние архетипа иерархии на современные демократические процессы остается чрезвычайно значимым. Функционально неизбежный отрыв фракции управляющих от рядовых членов политической общности приводит к систематическому отклонению властной элиты от интересов социокультурной целостности. Отмечаемое по всему миру многими социально-политическими наблюдателями нарастающее недовольство элитами своими знаками имели и избрание Д. Трампа, и Brexit, и получающие все больший процент голосов так называемые популистские партии, и «протестное голосование».

Тем не менее, указав на все эти проблемы в реализации демократических принципов, следует все же отметить, что демократия как форма политического устройства имеет потенциал заполнить своими символическим наполнением и воплощением в общественной практике ключевые для становления социокультурных общностей схемы коллективного бессознательного. Архетипу Самости отвечает тесно связанная с либерализмом ориентация на превалирование индивидуальной личности и ценностей самовыражения, которые сыграли важнейшую роль в разработке самих концепций современной демократии. Архетипу корпоративности соответствуют принцип равенства и ориентация на благо общности как целого и ее отдельных членов. Архетипу иерархии подходит политическая дифференциация в партийной форме, а также сама по себе практика борьбы за власть.

Вряд ли возможно выработать универсальные и подходящие любой политической общности рецепты согласования влияния всех этих архетипов коллективного бессознательного. Многое зависит от исторически сложившихся систем ценностей и смыслов, разделяемых в каж-

дом конкретном случае. Но само по себе требование учета в организации политического процесса требований архетипов Самости, корпоративности и иерархии остается инвариантным. В этом смысле политику можно определить как искусство гармонизации этих архетипов в управлении социокультурной общностью. При этом демократия имеет возможность нащупывать искомый баланс, в отличие от авторитарных и тоталитарных моделей, которые педалируют архетип иерархии в ущерб архетипам корпоративности и Самости.

Список литературы

1. Jung C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious / Translated from German by R. F. C. Hull. Princeton: Princeton University Press, 1981. 451 p.
2. Грицков Ю. В., Львов Д. В. Архетипы внутригруппового единства // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2015. № 3 (7). С. 17–20.
3. Эвола Ю. Люди и руины. Критика фашизма: взгляд справа / Пер. В. В. Ванюшкиной. М.: АСТ, 2007. 445 с.
4. Маркузе Г. Одномерный человек / Пер., прим. и предисл. А. Юдина. М.: «REFL-book», 1994. 368 с.
5. Хабермас Ю. Вовлечение другого. Очерки политической теории / Пер. с нем. Ю. С. Медведева, под ред. Д. В. Складнева. СПб.: Наука, 2008. 417 с.
6. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития / Пер. с англ. М. Коробочкина. — М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
7. Geddes B., Wright J., Frantz E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 313–331.
8. Хантингтон С. Третья волна. Демократизация в конце XX века / Пер. с англ. Л. Ю. Панфиной. М.: АСТ, 2003. 603 с.
9. Шумпетер Й. А. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия / Предисл. В. С. Автономова; пер. с нем. В. С. Автономова, М. С. Любского, А. Ю. Чепуренко; пер. с англ. В. С. Автономова, Ю. В. Автономова, Л. А. Громовой, К. Б. Козловой, Е. И. Николаенко, И. М. Осадчей, И. С. Семеновича, Э. Г. Соловьева. М.: Эксмо, 2008. 864 с.
10. Шмитт К. Государство: право и политика / Пер. с нем. и вступ. ст. О. В. Кильдюшова. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2013. 448 с.
11. Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М.: РОССПЭН, 1997. 640 с.

References

1. Jung, C. G. The Archetypes and the Collective Unconscious / Translated from German by R. F. C. Hull. Princeton: Princeton University Press, 1981. 451 p.
2. Gritskov, Yu. V., Lvov D. V. Archetypes of In-Group Unity // Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research. 2015. No 3 (7). Pp. 17–20.
3. Evola, J. People and Ruins. Criticism of Fascism: Fascism Viewed from the Right / Translated by V. V. Vanoshkina. Moscow: AST, 2007. 445 p.
4. Marcuse, H. One-Dimensional Man / Translated and annotated by A. Yudin. Moscow: REFL-book, 1994. 368 p.
5. Habermas, J. Involvement of Another. Essays on Political Theory / Translated from German by Yu. S. Medvedev, edited by D. V. Sklyadnev. St. Petersburg: Nauka, 2008. 417 p.
6. Inglehart, R., Welzel, C. Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence / Translated from English by M. Korobochkin. Moscow: Novoye izdatelstvo, 2011. 446 p.
7. Geddes, B., Wright, J., Frantz, E. Autocratic Breakdown and Regime Transitions: A New Data Set // Perspectives on Politics. 2014. Vol. 1. No. 2. Pp. 313–331.
8. Huntington, S. The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century / Translated from English by L. Yu. Pantina. Moscow: AST, 2003. 603 p.
9. Schumpeter, J. A. The Theory of Economic Development. Capitalism, Socialism, and Democracy / Foreword by V. S. Avtonomov; translated from German by V. S. Avtonomov, M. S. Lyubskiy, A. Yu. Chepureenko; translated from English by V. S. Avtonomov, Yu. V. Avtonomov, L. A. Gromovaya, K. B. Kozlova, Ye. I. Nikolayenko, I. M. Osadchaya, I. S. Semenenko, E. G. Solovyev. Moscow: Eksmo, 2008. 864 p.
10. Schmitt, C. State: Law and Politics / Translation from German and foreword by O. V. Kildyushov. Moscow: Territoriya budushchego, 2013. 448 p.
11. Ostrogorskiy, M. Ya. Democracy and Political Parties. Moscow: ROSSPEN, 1997. 640 p.